

Виталий Иваницкий

**Иногда так
бывает**

Виталий Иваницкий

Иногда так бывает

«Издательские решения»

Иваницкий В.

Иногда так бывает / В. Иваницкий — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-512391-6

Не думаю, что аннотация для этой книги будет иметь хоть какой-то смысл. Но меня просят написать от 120 до 500 символов... :) Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-512391-6

© Иваницкий В.
© Издательские решения

Содержание

Иногда так бывает	6
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Иногда так бывает

Виталий Иваницкий

© Виталий Иваницкий, 2020

ISBN 978-5-0051-2391-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Иногда так бывает

Иногда так бывает. Снова глядя в заснеженные поля, он понимал, что ему не светит вернуться домой ближайшие месяцы. Ощущение тоскливого, глубокого одиночества не покидало ни на минуту. Да, иногда действительно так бывает: серая скучная жизнь, день за днем, год за годом – и на тебе!... Немного бешеной фантастики всего за пару часов.

Он прекрасно понимал, что не так-то просто изменить жизнь, течение дел. Семья, работа, дети, хобби, – все это держало, это было самой сильной привычкой. Хуже наркотика. Возможно, именно поэтому на вопрос его коллеги: «не хочешь ли попробовать яркость на вкус?» – он утвердительно кивнул головой. Скорее – это было рефлекторное движение, но сознание, заметив его, не стало противиться.

– Да, давай, что у тебя? Таблетки?

– Ага, они, – на руку легла тонкая пластинка, скорее похожая на марку, чем на таблетку. Проглотив ее, он понял, что совершил ошибку: просто вляпался в единственную кучу дерьма посреди огромного, идеально чистого белого помещения. Но, тут же пришла мысль: «а может эта хренова жизнь, вся эта рутина и есть настоящее дерьмо».

Где-то в глубине его тела начали разгораться «нанозвезды», – такое название он дал этим ощущениям мысленно. Проживая свой короткий миг, они взрывались, выделяя много, очень много энергии. Сердце не сразу поняло, что предстоит работать «чуть» быстрее и поэтому запнулось на секунду, но собравшись, ускорило стук, который гулко начал отдаваться в висках. Жар поднимался к горлу, как вязкая тягучая лава, обжигая глотку, и он словно чувствовал кровавый, сладковатый вкус собственной плоти. Очень сладко, и больно.

Сидя на полу, он смог обратить немного внимания на то, что видят его глаза: коллега сидел неподвижно на стуле, улыбался и медленно шевелил губами – видимо, что-то говорил. Потом на секунду наступила тьма, а затем, снег, холод и пустота. Он сидел уже не в офисе, а в каком-то заброшенном доме в снежной пустыне. В сознании, то есть он был уверен, что в сознании, но не хотел верить в это. Сложно признать, что память о том как ты оказался здесь, и сколько прошло времени отсутствует, а еще сразу же нахлынуло это пугающее чувство одиночества и пустоты вокруг и внутри.

Оглядевшись, он увидел в этом однокомнатном домике печь, старую русскую печь: аккуратную, побеленную, как будто из книжки сказок. В ней горел огонь, но в домике было довольно холодно, а может так казалось. Мысли приходили всё быстрее и их становилось всё больше: «Что я тут... Как?... Где? Когда?. Меня прет до сих пор? Но всё так реально. Возможно, я просто умираю – поэтому мозг работает на максимальных оборотах, и глючит так реально. Объяснить себе, где я и когда – не могу. Попытаться идти домой через пустыню снега и замерзнуть, хотя если это всё нереально, то не замерзнуть, а очнуться. Но если у меня амнезия какая-то, то умру. Блин»

Но спустя секунду он очнулся на полу, в офисе. Рядом лежал коллега, в крови и без руки, левой. На самом деле, вопроса: «Куда делась рука?» – не было – она была зажата в его правой руке. «Как будто оторвал... – подумал он – но вряд ли хватило бы сил.» – мысли текли вяло и рассуждения были тупы. С сильной головной болью он поднялся, опираясь на стену. Коллега на вид казался «совсем» мертвым, и он не стал проверять его пульс или дыхание, да и не хотелось смотреть и тем более прикасаться к этой неприятной картине.

Спускаясь с третьего этажа по лестнице, он понял, что никого будто нет в здании. Вышел в коридор на втором – пусто. Окна открыты на проветривание, ведро уборщицы стоит посреди коридора – с водой и швабра в нем. «Хм, почему она не падает? Стоит как столбик в ведре...» Посмотрев на эту картину пару секунд, и осознав глупость и нереальность увиденного, он испугался еще больше. «Сон во сне, или глюк в глюке!?»

Сделав пару неуверенных шагов к ведру, а потом три решительных – схватил швабру и рванул вверх. Получилось довольно эпично: вода вырвалась из ведра гейзером, увлекаемая за собой мокрой ветошью. Конечно, он облил себя. Стоя в мокрых штанах и со шваброй, он рассмеялся, нервно и зло. «Как выйти из этого морока? Что сделать, чтобы найти выход» – он просто снял штаны и пошел на улицу. Там было тепло – сентябрь выдался сухой и жаркий, поэтому голые ноги его не смущали. Открывая дверь, он ожидал услышать привычный шум города, точнее подсознание ждало это, однако, было тихо, и эта тишина на миг испугала его. В первое мгновение он даже дернулся от тишины, как от резкого шума – никого, всё вокруг есть, а живых – никого. Много припаркованных машин, открытых магазинов и даже запах еды из кафешки напротив. «А может – не так уж тут и плохо. Я хозяин мира!... Напоминает рассказ Рэя Бредбери, про семью, которая осталась одна во всем мире, ну или в Америке, и путешествовала по стране на дрезине. Как же он назывался то, рассказ? Не помню, они как будто в отпуске, или на каникулах, эх фиг с ним. Они там были не одни, а втроем или вчетвером, не, там был один ребенок и родители грустили, что когда умрут, он останется один, последний из человечества и т. д. А может быть, моя семья тоже осталась тут со мной в этом мире?» Он побежал по парковке, выбрал открытый форд, ключи от которого были вставлены в замок зажигания, завел и поехал домой.

Но путь оказался сложнее, чем ожидалось, колеса стали вязнуть в грязи и глине, непонятно откуда взявшейся посреди асфальтированной дороги в центре города. Он вдавил педаль газа в пол, но машина остановилась совсем, буксовала, и как будто стала деформироваться, передняя часть стала удлиняться, линии капота медленно плыли влево: «Хм, резиновая машина, или плавающая». Тут он заметил, что и его руки стали вытягиваться, увлекаемые рулем, который отдалялся от его тела вместе с панелью приборов. Однако, тут ему стало понятно, что его тело не резиновое. Боль со странным запозданием пронзила обе руки, от самых плеч до кончиков пальцев, последние вовсе не хотели отпускать руль и разжиматься, вместо этого кисть стала отделяться от запястья: кожа медленно рвалась, мышцы и хрящи, и вот уже правая рука свободна от руля, впрочем, как и от кисти. Кровь из руки не бежала вниз, и не хлестала фонтаном в разные стороны, а так же тянулась вперед к панели и рулю. Спустя пару секунд или минут, левая рука проделала то же самое, что и правая. Ему было действительно больно, и он кричал, но не слышал голоса, видимо, звук тоже уходил вперед. Зрелище оторванных кистей, которые медленно уплывали от него, вызывали желание крикнуть еще сильнее, и он, чтобы собраться силами вдохнул, при этом его взгляд переместился чуть выше и за стеклом, чуть выше капота, он увидел черную точку: «Черная дыра?», – мелькнуло в голове, но мысли тут же исчезли, а глотка продолжила беззвучно вопить.

Дернулся, закашлял, открыл глаза... Перед ним опять была комната в офисе. Коллега тряс его за плечо.

– Очнулся? Хорошо! – он медленно поднялся с пола и уселся на стул:

– Долго я валялся?

– Не знаю, я походу тоже валялся, – не помню. Кстати, ты помнишь, как меня зовут? Или свое имя знаешь? – в ответ он начал уверенно кивать, одновременно начиная активно вспоминать – не вспоминалось. Ни его, ни своего имени он не помнил, да и внутри было неприятное чувство, что и не знал никогда, как будто имен не было.

Работа. Как всегда проснулся в семь. Николай был всегда ответственным, это качество ему прививалось с момента, когда он «познал» самосознание, поэтому сейчас он никогда не опаздывал, по своей вине. Однако, он стремился и обезопасить себя от обстоятельств, способных повлиять на его дела.

А где-то, какому-то человеку хотелось спать, зима была близко, и он, как будто, впадал в спячку. Чувство одиночества и желание спать...

Холодно, в замерзшей руке был огонь, который был способен сжечь всё вокруг, и освободить его было нельзя... Он огляделся: этот мир с огромными зданиями и странными существами, или механизмами был ему незнаком, но это не пугало странника. За годы своей долгой жизни он побывал в разных мирах, сотнях мирах, и редко попадались похожие друг на друга. Странник видел многое и многое знал, видимо, поэтому считал, что живет уже долго – считать дни и годы сложно, когда прыгаешь из мира в мир с разным течением времени и продолжительностью дней и лет. Он точно знал, что ему больше 20-ти, так как именно в этом возрасте он покинул «дом». Тем не менее, сейчас он выглядел довольно молодо, хоть и сетка мелких морщин покрывало лицо, однако, тело было молодым и крепким, в глазах горела «энергия жизни» – так он называл, для себя этот блеск, уловив его в отражении своих глаз. Волосы только-только начинали седеть, что было удивительно, учитывая, сколько всего с ним произошло.

Николай вышел из подъезда. Снял с сигнализации свой «Лексус» и сел за руль. Ему нравилась эта старая машина. Она была надежна, как и он сам, большая, в отличии от него, и в ней было комфортно и даже роскошно, во всяком случае по его меркам. Ехать, с учетом небольших пробок, было не больше 30 минут, до начала рабочего дня оставался час. Он успеет, практически в любом случае.

Странник увидел из-за угла мужчину в черном, который открыл карету (конечно он понимал, что это не карета, но обозначил ее так, для порядка в голове). Включил ее и поехал прямо ему на встречу. Огонь по прежнему обжигал руку, но это пламя не жгло плоть, оно разрывало душу, рассудок мутился. «Он мне поможет» – мелкнуло в голове носителя мира, и он оказался в машине, а заодно и в голове человека в черном, Николая. Миг ощущения знания всего, что знает другой, а затем минуты осознания и вспоминание самого важного. В страннике накопилось много жизней, воспоминаний и знаний о жизнях разных существ, это было нелегко, но, носить с собой мир, было неизмеримо тяжелей.

Николай проехал четверть пути, прежде чем почувствовал присутствие кого-то, в зеркало он увидел человека, сидящего на заднем сиденье, он показался ему знакомым, и почему-то, его не удивило присутствие кого-то там, где никого не должно быть. Лишь легкое недоумение на свою спокойную реакцию посетило его.

– Кто ты? – спросил Николай, и уже знал ответ, – странник поделился маленькой частью знаний с водителем. Николай чувствовал, что знает пассажира, но пока ничего не понял и не вспомнил.

– Мне жаль, что именно тебя я встретил первым, Коля. Судя по тому, что я узнал о тебе... Ты не сможешь пережить эти события, спокойно продолжив жить как раньше. Слишком сильное качание чаш сознания, – Коля взглянул на мужчину еще раз, теперь он начал вспоминать и понимать.

– Ты из другого..., других миров? Я нужен тебе, как проводник? Или как посредник? Ё-моё! Да че за херня-то! – он остановился прямо посреди улицы и вышел из машины. Вокруг раздались гневные звуки сигналов, ненормативная лексика, и Коля сел обратно, припарковавшись, чтобы никому не мешать, он снова вышел, следом вышел странник. Снег скрипнул под его подошвой, слышно, как будто перекрыл звуки наполненной авто улицы. Николай старался не смотреть на мужчину, и сосредоточиться на мыслях, но они открывали всё больше информации, новой и чужой, что и думать было страшно.

– Что ты сжимаешь в руке?

– Ты не сможешь понять, но можешь почувствовать... – ответил странник, переводя свой взгляд на сжатый кулак. Николаю скрутило живот, в районе пупка, как будто, что-то било его волнами, чего-то невидимого. Ему стало плохо и вырвало. Минуту, и стало легче, но теперь его вниманием всецело завладело, это что-то в руке человека рядом: «а человека ли», – мелькнуло в голове Коли:

– Как ты это держишь?

В офисе по-прежнему никого не было. Теперь и коллега казался ненастоящим. Он пытался разговаривать с ним и шутить, а тот просто великолепно подыгрывал любой эмоции, он был актером или запрограммированным роботом. Ложь. Вокруг всё было ложным, этот мир, заполненный человечеством, и очищенный от людей. Сложно представить, куда могли все деться, кроме одного. «А кого одного? Ведь я даже не знаю кто он и имя...» – он снова попытался поговорить с ним и опять почувствовал фальшь. Они спустились в кафе на первом этаже. Выпили кофе и съели сэндвич, тут он увидел свое отражение в зеркале за спиной коллеги. Увидел он лицо очень похожее на лицо коллеги. Тот же взгляд, нос, брови, уши, – почему-то его мозг выхватывал отдельные элементы и не хотел смотреть на лицо целиком. Сравнение казалось опасным для психологического здоровья. Спустя минуту или две, он всё-таки, пере-силлил себя и принял то, что рядом с ним сидит его близнец. А еще спустя минуту, понял, что не близнец, а его копия, хотя насчет своей собственной оригинальности он тоже сомневался.

«Ты кто?» – снова спросил он.

«Я – ты... Я это тоже уже понял. Хотя и не знаю, может это ты – я. Ну то есть, кто настоящий или оригинальный, ведь так должно быть. Сначала же был один...»

«Не обязательно, может мы существовали параллельно, просто сейчас встретились...» – повисла тишина. Было очень тихо. Они слышали свое синхронное дыхание...

«Но ведь кто-то...», – начали они одновременно и замолкли, прошла секунда и они продолжили в голос: «кто-то из нас был тут сначала». – снова замолчали. Они сидели друг напротив друга. Боясь продолжить, зная, что продолжат оба и это пугало. Каждый видел страх в глазах другого. Это сводило с ума, так быстро, что ему захотелось избавиться от второго. Синхронно встав, они схватили стулья, на которых сидели и ударили друг друга слева по голове. Один – упал, потеряв сознание, а второй упал, но остался в сознании. Понимая, что это странно, и одновременно радуясь, что теперь он чувствует себя «индивидуумом», он осмотрел стулья. Его был больше и массивней, а его оппоненту не повезло со стулом, тот был легче.

«Надо убить его, или убрать подальше, чтобы не видеть и не слышать... Это невыносимо», – он подошел к телу второго, лежащему на кафельном полу. Ему стало ужасно одиноко. «Блин я ж тогда один останусь, в мире. Надо просто сделать так, чтобы мы снова по-разному двигались, говорили. Так было, до того, как я понял, что мы идентичны, или он понял, что... Сука!!!» – голова опять пошла кругом. Он вспомнил, что видел в одном из глюков его без левой руки. Он снова посмотрел на второго, теперь тот лежал в той же позе, но в правой руке держал оторванную левую руку. Живот скрутило, и его вывернуло раз или два. Рвота была вызвана не столь ужасом от вида конечности и крови, а от безумия, творившегося вокруг. Он потерял сознание, а затем снова очнулся в доме посреди зимы.

Николай и странник снова сели в авто.

– Я знаю, что тебе надо торопиться, что-то сделать, но не знаю, куда и что... Я даже не могу вспомнить твоего имени. Как тебя зовут?, – он вопросительно посмотрел на странника, тот отрицательно покачал головой.

– Меня зовут Восправрм. Хм. Примерно так звучит на вашем языке мое имя, – он улыбнулся, – Называй меня Вася. – Николай недоуменно глянул на «Васю»: «Он что, издевается? Какой нахрен Вася!? Это похоже на какой-то несмешной анекдот: Вася прилетел из другого мира и подружился с Колей!?!». – странник заметил злобные огоньки в его глазах и добавил:

– Тебе это не понравилось, но разрядить обстановку стоило, да и имя это для тебя простое и сразу запоминается, так что не парься! – он снова улыбнулся.

– Я много лет, подростком и уже довольно взрослый, верил, что я особенный, что добьюсь чего-то сверхъестественного, или встречу кого из инопланетян и тому подобное, – он перевел дыхание и продолжил. – И вот, спустя десять или двадцать лет, после того как все эти бредовые идеи ушли от меня, появляешься ты и взрываешь мой мозг. Мало того, что всё это охренеть, как удивительно и пугающе, так ты еще и издеваешься, как будто. Просишь называть тебя Вася, как в каком-то тупом анекдоте про кавказцев!

– Не надо нервов. Они тебе еще пригодятся. И на этом закончим. Можешь называть меня как хочешь, а можешь никак не называть – мы торопимся, – он сделал знак рукой, как будто поворачивая ключ в замке зажигания. И они поехали.

Дом посреди зимы сейчас был теплым и как будто родным. Здесь было довольно спокойно и уютно. После предыдущих событий такая перемена была спасительна. Он нашел какое-то сушеное мясо в тумбе у стола, воду... После трапезы он уснул на кровати, которая была жесткой и довольно большой. – Дубовая – подумал он. – бредовая-дубовая – добавило сознание, падающее в пропасть глубокого сна.

Этот сон был как обычный сон, нереалистичен, с глупыми ситуациями и диалогами. Понимание, что он спит, пришло практически сразу, и это его порадовало, лишь изредка всплывала мысль о том, что спит он неизвестно где и когда. В реальности ли? На настоящей ли кровати? Дубовой?! И это всё порождало новый сон, где он стоял рядом с огромным дубом, обнимал его ствол и проваливался в него, и засыпал вновь, как в кровати. Сквозь скомканное повествование морфея, он понимал, что мужик в поле, которого он видел со спины, – это Толстой. Тот самый Лев, с бородой, и, почему-то, грозно сдвинутыми бровями, который через секунду уже грозит ему пальцем и беззвучно шевелит губами, стараясь донести до сновидца неслышимый наказ... В другую секунду это эхо многих голосов слитых воедино, которые поют: «Мы эхо, эхо, мы долгое эхо друг друга...».

Он оказался за столом в кафе, все еще во сне... Рядом сидела женщина лет сорока и медленно мешала ложкой чай с молоком. Ее глаза были устремлены немного мимо стола, куда-то в пол или на ножку рядом стоящего стула, голова была чуть наклонена влево, взгляд неподвижен. Вокруг было довольно тихо, один посетитель, который «сидел» в смартфоне, негромкие звуки с кухни, и редко проезжающие машины по трассе, – это было придорожное кафе.

– Кто вы, – спросил он у женщины тихо. Она медленно подняла взгляд и уставилась в его глаза. Минуту не моргала (либо моргала одновременно с ним) а затем, из ее глаз потекли слезы. Он смотрел на нее и подумал, что уместно будет ей подсказать:

– Поморгай... – после его слов картинка окружающего как будто дернулась на миг, а женщина уже улыбалась и глаза были сухими.

– Привет, мой дорогой. Как твоя учеба?

– Я не учусь вроде, уже. Нигде. А вы кто такая, женщина? – ее брови на миг приподнялись, она махнула рукой, как бы говоря ему: «Не до приколов твоих».

– Ты наверное не изменишься никогда, уже 22, а иногда ведешь себя как подросток, ты же прекрасно понимаешь, что я не поведушь на твои шутки. Видели – знаем... – она провела пальцем по краю кружки и та стала прозрачной.

– Я знаю, что я во сне. И что вы, женщина, нереальная.

– Спасибо за комплимент. Меня давно не называли «нереальной!» Жаль только, что уже женщиной, а не девушкой. Раньше было проще. Вариантов развития было мало. И я отвечать могла не на всё. А теперь сама начинаю заигрывать и забываю о главном... А теперь, молодой человек, прошу вас играть роль, иначе все пойдет по плохому сценарию. Я думаю, что в тебе еще остался ужас предыдущих твоих восприятий, – она выразительно посмотрела ему в глаза.

– Да. Этот сон лучше, чем хрень до этого.

– Ты, наверное, не изменишься никогда, уже 22, а иногда ведешь себя как подросток, ты же прекрасно понимаешь, что я не поведу на твои шутки. Видели – знаем... – она провела пальцем по краю кружки и та стала прозрачной.

– А я не представляю как ты сделала кружку прозрачной сейчас, – он замолчал и с опаской взглянул на нее, – вполне могло быть, что данный жест был «вне игры».. Но она продолжила.

– Ты прекрасно знаешь, что для таких как мы, изменять молекулярные свойства веществ не сложно. Тем более керамики, а черт, я на самом деле даже не знаю, из чего она сделана. Это получается просто по желанию. На самом деле – это меня удивляет твое удивление и неспособность или нежелание делать подобное.

– Возможно, я забыл. Ты знаешь, я действительно забыл. Помню себя лет с пяти. Вышел во двор нашей пятиэтажки, в те времена родители, тем более в нашем небольшом городке, не боялись отпускать пятилетних детей одних... Так вот, я вышел. Была, по-моему, осень, да, ощущения были осенние. Не знаю, почему я был один во дворе, возможно, это происходило в будний день, утром. В садик не пошел почему-то... Сидя на железной, черной качели, с застежкой спереди в виде, эмм... крючка железного, я ощутил одиночество и тоску. Эти чувства кажутся мне теперь, в воспоминаниях, невероятно сильными. И глядя на себя со стороны, сквозь все это прошедшее время, эти чувства становятся «здесь и сейчас», и я становлюсь тем маленьким мальчиком, одетым в вязаную шапку, варежки – потому что железо холодное, в сапоги с шерстяными носками – потому что: «это чудо все равно в лужу залезет». Мальчиком, сидящим, практически не раскачиваясь, на узкой холодной качельке, и смотрящим на пустой двор, на деревья, с которых почти опали листья. Этим мальчиком, который понимает всю пустоту и тишину этих мгновений, понимает как взрослый, потому что глазами этого мальчика смотрю я. Одиноко и тоскливо... Тогда, впервые, свобода, возможность идти куда захочу, делать что захочу показалась мне не нужной, она ощущалась как пустота, тем не менее полная ужаса, от осознания какая она на самом деле. И после этого я сразу вернулся домой, даже не помню, кто был дома. Знаю, что кто-то из родных был, хотя там и стены были родными, – он улыбнулся. Ему стало тепло внутри от мыслей о близких и родном доме, именно тепло, физически. – так что, женщина, вас я не знаю, и как играть в вашу игру непонятно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.